

3. Андрианов В. Коррупция как глобальная проблема: история и современность. М.: Экономика, 2011. С. 14–24.
4. Левин М., Сатаров Г. Коррупция в России: классификация и динамика // Вопросы экономики. 2012. № 10. С. 4–29.

REFERENCES

1. Lunev V. Corruption in Russia // State and Law. 2007. # 11. P. 20–27.
2. Kirpichnikov A. I. Russian corruption // Law center press. 2004.
3. Andrianov V. Corruption as a global problem: historical and modern aspects. M.: Economics, 2011. P. 14–24.
4. Levin M., Satarov G. Corruption in Russia: classification and dynamics // Issues of economics. 2012. # 10. P. 4–29.

УДК 338
ББК 65.290.2

Abubakirov Rinat Midchatovich,
post-graduate student of the department of economics
of the Volga region institute of management
named after P. Stolypin,
the branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Saratov,
e-mail: kafeconom@piuis.ru

Абубакиров Ринат Мидхатович,
аспирант кафедры экономики
Поволжского института управления
им. П. А. Столыпина —
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
г. Саратов,
e-mail: kafeconom@piuis.ru

ЭКСТЕРНАЛИИ КОРРУПЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

EXTERNALITIES OF CORRUPTION IN ECONOMIC SYSTEM

В статье рассматриваются вопросы, которые раскрывают сущность коррупции как социального явления. Анализируется роль отрицательных экстерналий коррупции и основные направления отрицательных экстерналий коррупции. Показаны экономические, правовые, социальные, институциональные причины коррупции. Рассмотрены антикоррупционные меры и формы противодействия коррупции. Показана роль международных организаций в борьбе с коррупцией. Показана специфика природы коррупции, основанной на саморегуляции и воспроизводстве.

In the article the author analyzes the problems, which explain the meaning of corruption as a social process. The author analyzes the role of negative externalities of corruption and the main directions of the negative externalities of corruption. The author pays attention to the economic, social and legal and institutional reasons of corruption. He examines the anticorruption methods and forms of preventing corruption. The author discusses and exploits the role of the international organizations in the struggle with corruption. The specificity of corruption nature is demonstrated based on self-regulation and self-reproduction.

Ключевые слова: экстерналии коррупции, институционализация коррупции, проявление коррупции, классификация причин коррупции, деградация социальных явлений, масштабная коррупция, взятки, экономические, социальные и правовые причины коррупции, институциональный подход к коррупции, насаждение коррупции, трансплантация коррупции, коррупционный механизм, деформация и дисфункция институтов, импортируемые институты, трансплантация институтов.

Keywords: externalities of corruption, institutionalization of corruption, realization of corruption, classification of reasons of corruption, degradation of social processes, global corruption, bribes, economic, social and law reasons of corruption, institutional approach to corruption, invasion of corruption, transplantation of corruption, corruption mechanism, deformation and dysfunction of corruption, imported institutes, transplantation of institutes.

В современной экономической науке одним из наиболее сложных и востребованных в фундаментальных и прикладных аспектах объектов исследования становится коррупция, которая носит все более масштабный характер и проникает во все сферы общества. При этом определенные стороны коррупции исследованы достаточно полно (например, ее содержание и формы), другие же находятся в менее выгодном положении. По мнению автора, это следует отнести к различным проявлениям экстерналий коррупции в экономической системе, что и определило рамки данного исследования.

Логично рассмотреть прежде всего отрицательные экстерналии коррупции. Коррупция объективно наносит ущерб общественным интересам – прямой или косвенный, более того, она в значительной степени деформирует их, подчиняя их собственным правилам игры. Коррупция в условиях отсутствия должного регулирования и действенных заслонов стремительно разрастается, поражая все новые и новые сферы. В результате происходит институционализация коррупции, формируются социальные практики, превращающие коррупцию в неотъемлемую часть жизни общества [1, с. 48].

Основные проявления отрицательных экстерналий коррупции для государства и бизнеса отражены на рис. 1.

Рис. 1. Основные проявления отрицательных экстерналий коррупции для государства и бизнеса (сост. автором)

Представление об экстерналиях коррупции в экономической системе было бы неполным без анализа причин ее возникновения. В исследованиях отечественных и зарубежных ученых просматривается различие в научных подходах к определению причин возникновения и воспроизводства коррупции. Так, выделяются экономические и внеэкономические (политические, социальные, нравственные, психологические и т. д.) факторы, действие которых непосредственно связано с появлением и распространением коррупционных процессов. Анализируя причины коррупции, зарубежный исследователь Роберт Клитгард в своей работе [2, с. 25] вывел следующую формулу:

$$M+C-O-P = K, \quad (1)$$

где К – коррупция;

М – монополия;

С – свобода действий (произвол);

О – отчетность;

П – прозрачность.

Основная идея этой формулы заключается в том, что коррупция с большей вероятностью возникает в структуре (фирме, предприятии, организации), обладающей монополией на товар или услугу, а также свободой определения субъекта их получения, предоставляемого объема товара или услуг, при этом совершенно не отчитывающейся за конечные результаты своей деятельности. В данной формуле вычитаемыми являются два фактора – прозрачность, повышение которой ограничивает монопольную власть и свободу действий соответствующих структур, и отчетность, являющаяся необходимым условием деятельности субъектов, ответственных за принятие решений.

В работе российских специалистов представлена одна из существующих классификаций причин коррупции [3, с. 34]. На наш взгляд, она является достаточно полной, систематизированной и поэтому заслуживает право быть воспроизведенной. Так, по мнению М. А. Грибкова и А. В. Орлова, автора работы «Противодействие коррупции», необходимо выделять следующие причины коррупции:

- экономические (неразвитость рыночной системы, низкий уровень зарплаты бюджетной сферы, отсутствие баланса в системе налогообложения);

- правовые (неопределенность правовых норм, наличие правовых коллизий, низкая эффективность правоприменительной практики, недостаточная жесткость наказаний за совершение коррупционных деяний);

- социальные (правовой нигилизм, общественная пассивность, низкий морально-нравственный уровень граждан);

- институциональные причины коррупции (наличие административных барьеров, закрытость административных процедур, наличие неформальных связей в государственных органах, слабость кадровой политики государственных органов, громоздкая система отчетности).

Обратим внимание на выделение в общей совокупности причин отдельной группы – институциональных причин коррупции, которые могут обуславливать особый вид коррупции – институциональную коррупцию. Сам термин появился сравнительно недавно в научном обороте и трактуется каждым исследователем по-своему. Так, А. Левинсон, являющийся руководителем отдела социокультурных исследований «Левада-центра», институциональную коррупцию рассматривает как достаточно эффективный механизм, восполняющий институциональные пробелы [4]. Обратим внимание на качественную характеристику данного меха-

низма – достаточно эффективный механизм, что позволяет предположить не только сугубо отрицательные экстерналии коррупции, но и ее неотрицательные характеристики (у автора рука не поднимается написать о ее положительных качествах). Коррупция в институциональном контексте сводится к субъективному использованию объективно существующих неформальных механизмов общественной регуляции в тех сферах, секторах, областях, уровнях хозяйствования и зонах, в которых существующие формальные механизмы неэффективны, результативно занижены, деформированы или фактически отсутствуют. Ю. Латов определяет институциональную коррупцию как систему организации государственного управления, при которой процесс принятия различного рода решений обусловлен не только служебными обязанностями чиновника или политика, но и напрямую его личными интересами, связанными с его статусом в социальных сетях [5].

Автор полагает, что именно институциональный подход к коррупции позволяет раскрыть присущие ее экстерналии, и определяет ее как самостоятельный конструкт, состоящий из устойчивых самогенерируемых деформированных установок, направленных на отклонение от существующих легитимных норм, правил игры в различных пространствах их деятельности, проникающих во все их взаимосвязи и взаимоотношения.

Существующая коррупция в отсутствие эффективных регуляторов порождает новую коррупцию, и именно в этом заключается ее природа саморегуляции и воспроизводства.

Множественные отрицательные экстерналии коррупции приводят к деградации социальных отношений, а правовые институты перестают работать. Масштабная коррупция подрывает правовые основы существования государства, превращая право в товар. Это негативно отражается на гражданах страны, и особенно предпринимателях, вынужденных повсеместно платить «дань», давать взятки зачастую за реализацию своих законных прав. Коррупция сегодня разрушительно воздействует на государственные институты, препятствует развитию бизнеса. При нынешних ее масштабах развитие экономики затруднено из-за незаконного перераспределения, расхищения средств, выделяемых государством на социальные программы, развитие инфраструктуры, модернизацию. Не сокращается количество зон потенциального повышенного коррупционного риска в системе государственного управления. Здесь прежде всего выделяются следующие сферы:

- контроль за целевым и эффективным использованием бюджетных средств, подготовка и принятие решений о распределении бюджетных ассигнований, субсидий и т. п.;

- управление и распоряжение объектами государственной собственности (здания, строения, сооружения), в том числе по вопросам аренды, безвозмездного пользования, оперативного управления объектами;

- хранение и распределение материально-технических ресурсов;

- надзор за хозяйственной деятельностью подведомственных организаций;

- назначение на должности государственной гражданской службы, проведение конкурсов на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы и формирование кадрового резерва [6].

В последние годы (начиная с 2008-го) в общественном мнении стали формироваться две важные тенденции:

- резкий рост обеспокоенности размахом коррупции среди благополучных слоев населения – среднего класса;

– высокий уровень неприятия коррупции среди молодежи (до 25 лет).

Эти тренды свидетельствуют о наличии активного общественного запроса на участие граждан в борьбе с коррупцией.

По данным Индекса ОПОРЫ РОССИИ-2011, доля компаний, не сталкивающихся в своем регионе с коррупцией, составляет всего 10%, то есть 90% бизнеса с коррупцией сталкивается. По мнению многих предпринимателей, коррупция уже принимается как данность, а незаконные выплаты стали необходимыми статьями издержек многих компаний [7, с. 5]. Проведенные в конце 1990-х годов социологические исследования и опросы о распространенности коррупции в разных странах и среди различных категорий сотрудников дают весьма показательные печальные результаты. В частности, в возможность того, что непосредственный начальник хотя бы раз в жизни брал взятку, в Италии верили 100% опрошенных, во Франции – 75%, в Нидерландах – 70%, в Германии – 68%, в США – 56%, в Японии – 43%, в Норвегии – 30%.

Согласно законам бихевиоризма, попадая в коллектив, человек перенимает правила поведения, которые в этом коллективе приняты. Поэтому, если внутриведомственная или внутрикорпоративная культура такова, что по отношению к взяткам царит «обстановка благодушия, порой безответственности при решении служебных вопросов, отсутствия гласности при обсуждении проступков сотрудников», то новопришедшие примут такое поведение как нормальное и будут следовать ему в дальнейшем. Распространение коррупции среди чиновников приводит к тому, что в ней оказываются заинтересованными и подчиненные, и начальники.

Автор полагает необходимым раскрыть феномен насаждения коррупции, трансплантации коррупции, который нагляден для многих стран и который можно рассматривать как проявление связанных с ней экстерналий. Для продвижения и закрепления импортируемых институтов со стороны государств, считающихся империями и являющихся таковыми, используются различные механизмы. Среди них особую роль играют коррупционные механизмы, имеющие высокий потенциал разрушения и устранения национальной институциональной системы, сложившейся в рамках конкретного государства. Трансплантация привнесенных институтов происходит гораздо быстрее и с меньшими транзакционными издержками при наличии слабых, деформированных и дисфункциональных институтов в стране, а уже имеющиеся механизмы коррупции в национальном хозяйстве комплементируются с привнесенными коррупционными механизмами, что дает значительный синергетический эффект. В качестве сторонников отметим В. Андрианова, автора многих работ по проблемам коррупции. Он подчеркивает, что за долгие годы в Америке создан достаточно эффективный механизм продвижения своих национальных интересов, в том числе с использованием коррупционных механизмов, для отбора и подготовки национальных кадров, которые затем продвигаются во властные структуры, в том числе на самые высокие должности [8, с. 22]. Для достижения своих политических целей США активно используют международные, региональные, неправительственные организации, государственные и частные фонды.

Среди таких организаций следует выделить:

– Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ);

– Национальный демократический и международный республиканский институт (Фридом хаус);

– Ассоциацию бывших членов конгресса США (USAFMC);

– Национальный фонд в поддержку демократии;

– Институт устойчивых сообществ (Institute for sustainable communities);

– корпорацию «Вызовы тысячелетию» (Millenium challenge corporation);

– фонды «Евразия», «Понтис», «Вестминстер», фонд Форда, фонд Сороса и др.

На финансовой и юридической поддержке и подготовке соответствующих кадров специализируются неправительственные организации. Ассоциация американских юристов (American bar association) и Законодательная инициатива для стран Центральной и Восточной Европы (Central and Eastern Europe Law Initiative CEELI). Подкуп, отбор и подготовка соответствующих кадров осуществляются непосредственно при поддержке спецслужб США. В конце прошлого столетия коррупционные механизмы американцы активно использовали в Сербии, Польше, Черногории, Грузии, Казахстане, Киргизии, Украине.

Другие примеры. После прихода к власти в Грузии М. Саакашвили грузинским государственным чиновникам фактически легально платили зарплату из фонда американского миллиардера Джорджа Сороса. Аналогичная ситуация существовала в Украине, особенно в период так называемой оранжевой революции.

В Докладе Римского клуба «Первая глобальная революция» (1991 год) отмечалось, что политическая власть в современном мире больше не контролируется силой и сложностью вооружений – она определяется финансовой мощью. Это подтверждается существующей реальностью, когда финансовый сектор и субъекты, его персонифицирующие и находящиеся в первых строках рейтингов, фактически подчиняют национальное хозяйство и диктуют свои правила игры.

Согласно теории захвата государства Джоэла С. Хеллмана, Джереяна Джонса и Дэниела Кауфмана крупный бизнес с помощью коррупции захватывает государство и его институты. Против такой «классической» коррупции направлены все мировые антикоррупционные законодательства и меры. Формально против такой коррупции борется и российское правительство. Но в России, по мнению многих специалистов, коррупция мутировала и приняла неклассический, еще более монструозный вид: с ее помощью государство захватило бизнес, а затем все институты и общество в целом. Основной формой российской коррупции является не предложение снизу, а спрос сверху, то есть коррупционное вымогательство, в которое втянуты все органы, что-либо контролирующие. Государственные институты не выполняют своих функций никаким другим путем, кроме коррупционного [9]. По мнению Е. Панфиловой, директора Аналитического центра Юрия Левады, в подотчетности власти есть «семантическая проблема» – подотчетность в России понимается исключительно в одностороннем плане: все, кто находится внизу иерархии, подотчетны тем, кто сверху; о подотчетности власти обществу нет и речи, во всяком случае, государственная власть сопротивляется самой идее такой подотчетности. Рассчитывать на массовый протест и общественное сопротивление власти не приходится, но есть «взбунтовавшийся офисный планктон», действующий через суды и легальными способами стремящийся бороться с коррупционным вымогательством.

Коррупция – настолько своеобразный институт, что вызывает высокую к ней терпимость со стороны различных

субъектов, социальных слоев, общества в целом. Фактически коррупция выступает одним из адаптивных механизмов (наряду с апатией, ксенофобией и другими проявлениями *ressentiment*'а – подавленной психической активности, возникающей от бессилия что-либо изменить), позволяющим существовать в данных весьма сложных условиях. Возможно, это является неотрицательной стороной экстерналий коррупции в экономической системе.

В заключение сошлемся на работу Л. Ферранте, автора книги «Правила мафии». Она имеет подзаголовок – «Чему криминальные боссы могут научить законопослушных бизнесменов» [10, с. 118]. Л. Ферранте, бывший мафиози, предлагает 88 проверенных временем стратегий мафии, среди которых можно найти следующие:

– «Сам возьми себе кофе!» Уважай субординацию, но не будь простофилей;

– «У стен есть уши». Никогда не хули своего босса;
 – «Этот телефон прослушивается?» Постоянно следи за каждым своим словом;
 – «Не разрывайся пополам». Лучше плохое решение, чем никакого решения;
 – «Не надо строить стадион «Янки», будь просто поставщиком бетона»;
 – «Положи револьвер, возьми пирожное... и бойся выскомерия».

Если абстрагироваться от данного контекста, то эти правила игры, выведенные из мира мафиози, вполне применимы и к легитимному пространству экономической системы. Таким образом, целостный подход к исследованию экстерналий коррупции в экономической системе позволяет выявить не только негативные, отрицательные, но и приемлемые, неотрицательные их проявления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Доклад Общественной палаты об эффективности проводимых в Российской Федерации антикоррупционных мероприятий и участии институтов гражданского общества в реализации антикоррупционной политики. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2011. 95 с.
2. Klitgaard K. Controlling Corruption. Berkeley CA: University of California Press, 1988. 230 p.
3. Грибков М. А., Орлов А. В. Противодействие коррупции. М.: Рيال Текст, 2013. 180 с.
4. Левинсон А. «Коррупция – это механизм, восполняющий институциональные пробелы» [Электронный ресурс]. URL: http://slon.ru/russia/korruptsiya_eto_mehanizm_vospolnyayushhiy_institut-24791.html (дата обращения: 19.10.2013).
5. Латов Ю. В. Институциональная коррупция в современной России и проблема политической воли // Российский следователь. 2012. № 1. С. 20–22.
6. Информация к Докладу об эффективности антикоррупционных мероприятий и участии институтов гражданского общества в реализации антикоррупционной политики: письмо Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка от 20 июня 2011 года № 11797/16-02.
7. Индекс ОПОРЫ РОССИИ-2011. М., 2011. 25 с.
8. Андрианов В. Д. Коррупция как глобальная проблема: история и современность. М.: Экономика, 2011. 301 с.
9. Семинар «Подотчетность власти и коррупция. Возможна ли борьба с коррупцией в системе «вертикали власти»?» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/2011/05/13/corruption.htm> (дата обращения: 19.10.2013).
10. Ферранте Л. Правила мафии. Минск, 2012. 304 с.

REFERENCES

1. Report of the Public chamber on effectiveness of the anti-corruption measures implemented in the Russian Federation and participation of the civil society institutions in the anti-corruption policy implementation. M.: Public chamber of the Russian Federation, 2011. 95 p.
2. Klitgaard K. Controlling Corruption. Berkeley CA: University of California Press, 1988. 230 p.
3. Gribkov M. A., Orlov A. V. Counteraction to corruption. M.: Rial Text, 2013. 180 p.
4. Levinson A. «Corruption is the mechanism making up a deficiency for the institutional gaps» [Electronic resource]. URL: http://slon.ru/russia/korruptsiya_eto_mehanizm_vospolnyayushhiy_institut-24791.html (date of viewing: 19.10.2013).
5. Latov Yu. V. Institutional corruption in the modern Russia and the issue of political will // Russian investigator. 2012. # 1. P. 20–22.
6. Information to the Report on effectiveness of anti-corruption measures and participation of the civil society institutions: letter of the Federal service on the alcohol market regulation dated June 20, 2011 # 11797/16-02.
7. Index SUPPORTS OF RUSSIA-2011. M., 2011. 25 p.
8. Andrianov V. D. Corruption as the global issue: history and contemporaneity. M.: Economics, 2011. 301 p.
9. Seminar «Accountability of the authorities and corruption. Is struggle with corruption possible in the ‘power vertical’?» [Electronic resource]. URL: <http://www.memo.ru/2011/05/13/corruption.htm> (date of viewing: 19.10.2013).
10. Ferrante L. Rules of mafia. Minsk, 2012. 304 p.